

А.В. ШИПИЛОВ

ЖИЗНЬ БЕЗ ТРУДА? ЭТО ЕСТЕСТВЕННО

Аннотация. В результате автоматизации и роботизации в экономике развитых стран сокращается потребность в рабочей силе, что влечет за собой падение занятости. При сохранении существующих тенденций общество труда трансформируется в общество ренты, основным занятием большинства членов которого становится досуг. В связи с этим высказываются опасения по поводу утраты привычных смысложизненных ориентиров и, как следствие, деградации личности и общества. Автором выдвигается тезис, что естественной, то есть биологически обусловленной для человека является не трудовая, а собственно социальная деятельность. В подтверждение этому приводится фактический материал, свидетельствующий, что на протяжении большей части своей истории люди практиковали присваивающее хозяйство, позволявшее получать максимум продуктов при минимуме трудозатрат. Тем самым большую часть времени члены доземледельческих и внеземледельческих сообществ могли уделять отдыху, общению и разнообразным групповым ритуалам. Возможно, что в становящемся посттрудовом обществе сложится аналогичная ситуация, так что близкое будущее уподобится далекому прошлому.

Ключевые слова: автоматизация; роботизация; труд; досуг; присваивающее хозяйство; производящее хозяйство; социальное взаимодействие.

Для цитирования: Шипилов А.В. Жизнь без труда? Это естественно // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 2. С. 153–170. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6391

Вместо введения:

Работа и роботы

Работу над этой статьей я начал с того, что набрал в Google словосочетание «мир без работы»: через 0,37 секунды поисковый робот выдал 4 750 млн результатов. Трудно сказать, насколько эта цифра может свидетельствовать о росте интереса к вопросу о том, как жить в “world without

Шипилов Андрей Васильевич — доктор культурологии, доцент, кафедра философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, гуманитарный факультет, Воронежский государственный педагогический университет. **Адрес:** 394043, Воронеж, ул. Ленина, д. 86, к. 413.

Телефон: +7 (4732) 255-26-19. **Электронная почта:** andshipilo@yandex.ru

work» [58], но названия публикаций типа «Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы» [48] в последнее время встречаются все чаще, поэтому проблема, видимо, действительно является актуальной. Некоторые исследователи полагают, что информационные технологии не могут вытеснить значительную часть рабочей силы из сферы занятости [32, с. 145–146], но другие доказывают, что прогрессирующая автоматизация и роботизация, в отличие от предшествующих технологических нововведений, создают куда меньше новых рабочих мест, чем упраздняют, и последствия четвертой промышленной революции могут оказаться значительно более масштабными, чем трех первых [7, с. 189; 48, с. 16; 52, с. 51].

По имеющимся данным, в настоящее время в сельском хозяйстве развитых стран занято от 1,5 до 4% населения, в промышленности доля занятых не превышает 20–25% (как и в развивающихся странах), а все остальное приходится на сферу услуг — это 70–80% [13, с. 35; 29, с. 269]. При этом не только в индустриальном секторе, но и в производстве товаров и услуг в целом рост ВВП коррелирует с падением занятости и сокращением совокупного рабочего времени [26, с. 142]. Как пишет М. Форд, «мы производим все больше и больше, но при этом обходимся все меньшим и меньшим количеством работников»; по приводимым им данным, за 1998–2013 гг. в США численность населения выросла на 40 млн чел., а стоимость произведенных частными компаниями товаров и услуг увеличилась на 42%, однако общий объем рабочего времени совершенно не изменился и равнялся 194 млрд часов [48, с. 84]. Изобретение и внедрение новых форм автоматизации и робототехники снижают потребность в труде и сокращают занятость не только в сельском хозяйстве и промышленности, но и в строительстве, грузовом и пассажирском транспорте, розничной торговле, сфере общественного питания и т. д. Под угрозой лишения работы оказываются не только кассиры и таксисты, но и высококвалифицированные специалисты умственного труда, такие как юристы, журналисты, финансовые аналитики и др. Согласно одному исследованию 2013 г., где были проанализированы перспективы около 700 профессий и специальностей в США, до 47% соответствующих рабочих мест могут быть автоматизированы уже в течение двух ближайших десятилетий [48, с. 164; 52, с. 52].

При сохранении существующих тенденций к середине текущего столетия половина трудоспособного населения развитых стран станет безработной, а к концу века это произойдет и с остальным миром [26, с. 142]. Автоматизация и роботизация экономики, где издержки вместе с рабочим временем устремятся к нулю, повлечет за собой фундаментальную социокультурную трансформацию — труд сменится рентой, а пролетариат, предвременно дифференцировавшись на салиариат и прекариат, превратится в консьюмтариат [1, с. 47; 3, с. 122; 29, с. 338]. По словам П. Мейсона, «информационные технологии исключают труд из производственного процесса, снижают рыночную цену товаров... и создают поколение потребителей, психологически предрасположенных к бесплатным вещам» [29, с. 173]. Что касается платных вещей, то спрос на них будет обеспечиваться безусловным базовым доходом — постиндустриальное общество превратится в рентное [8, с. 20].

Этот «посткапитализм» до определенной степени напоминает собой марксистский коммунизм: «Автоматизация производства приводит к избытку материальных благ, а потому сегодня создаются комфортные условия для освобождения от труда — пишет Д.А. Давыдов. — Общество должно обеспечить всех граждан безусловным доходом (безвозмездные выплаты всем некоторой денежной суммой), который позволит им заниматься тем, что им действительно нравится. Иными словами, речь идет о приближении к тому, что Маркс вполне бы мог назвать коммунистическим обществом» [9, с. 76]. Однако слияние труда с досугом [29, с. 9, 189, 269; 35, с. 217], а затем и все более полное замещение первого последним вызывает ряд вопросов и опасений. М. Форд, справедливо отмечая, что «все это, разумеется, очень трудно увязать с общим нарративом протестантской трудовой этики», высказывает предположение совершенно в духе последней, что на отказ от работы в результате свободного выбора «пойдут только самые безынициативные и ленивые» [48, с. 357]. Ю.Н. Харари констатирует, что «сейчас люди сталкиваются с более страшным понятием, чем эксплуатация, — со своей ненужностью»; предсказывая становление к середине XXI века нового “useless class”, он задается вопросом: «Что будет бесполезный класс делать весь день?», и в качестве таких сфер целенаправленной, но не трудовой деятельности называет компьютерные игры, спорт, религию [49; 58]. Близкие к этому соображения высказывают и отечественные авторы: так, Е.М. Шульман указывает, что проблемой нашего века становится то, «как и чем занять людей, чья работа не нужна», дабы помочь им избежать неизбежного в этом случае саморазрушения [54], а В.А. Кутырев, вспоминая что труд (совместный и орудийный) создал из обезьяны человека и отличает его от животных, считает жизнь без труда паразитической и даже хуже: «жизнь без труда — это деградация» [22, с. 73].

Разделяя до некоторой степени эти опасения, я тоже задаюсь вопросом: действительно ли человеку разумному «невесело живется без работы», естественно ли для него трудиться и считать труд ценностью?

Общество первоначального изобилия

Относительно последнего можно заметить, что до индустриальной революции понятия труда и ценности, работы и счастья скорее исключали, чем предполагали друг друга. По словам Г. Стэндинга, «древние греки понимали, что смешно и нелепо оценивать все с точки зрения труда» [43, с. 31], да и для Средневековья в семантике «работа» «труд» и «рабство» слабо отделялись друг от друга — это имеющее отрицательную ценность занятие низших сословий и классов рассматривалось как диаметрально противоположность праксиса / досуга, то есть самоцельной деятельности высших [41, с. 61–64; 51, с. 91–92]. Все это вещи общеизвестные; более интересно то, что некоторые авторы не считают, что труд суть марксово «вечное естественное условие человеческой жизни» и связывают его возникновение с неолитической аграрной революцией — переходом от присваивающего к производящему хозяйству. (В самом понятии «труд» при этом моменты целесообразности и орудийности отходят на второй план, а на первый выходит производительность, создание искусственных, отсутствующих в природе вещей, служащих для удовлетворения базовых / физиологических потребностей; проще говоря, речь идет о деятельности по производству пищи). М. Маклюэн писал, что «примитивный охотник или

рыболов был занят трудом не больше, чем сегодняшний поэт, художник или мыслитель. Там, где человек всем существом погружен в деятельность, никакого труда нет. Труд появляется в оседлых аграрных сообществах вместе с разделением труда и специализацией функций и задач» [24, с. 155]. (Д. Эверетт, наблюдавший за жизнью современного амазонского племени пираха, также замечает: «...индейцы добывают пищу с таким удовольствием, что это едва ли вписывается в наше понятие “труда”» [55, с. 92]). К.К. Мартынов формулирует: «...в палеолите человек не трудился — он искал еду, кочевал и размножался. Поле, которое нужно обрабатывать, создало труд, его разделение и излишки еды» [25].

Подобные формулировки могут показаться избыточно резкими и даже провокативными, однако бесспорно, что начиная с первых гоминидов и до верхнепалеолитических (и мезолитических) сапиенсов человекообразные и люди кормились охотой и собирательством и только 10–11 тыс. лет назад начали переход к производящему хозяйству. По существующим подсчетам, на протяжении первых 90% своей истории человек занимался присвоением, и 90% людей, когда-либо живших на Земле, практиковали последнее, так что, словами И. Морриса, «мы можем даже назвать собирательство естественным образом жизни» [2, с. 125; 10, с. 102; 31, с. 64].

Социум охотников и собирателей М. Салинз охарактеризовал как «общество первоначального изобилия», имея в виду, что первобытные и позднейшие, изученные уже этнографически группы foragers имели вполне достаточные ресурсы для полного удовлетворения своих ограниченных материальных потребностей, получая максимальный результат при минимальных трудовых затратах [39, с. 19–21]. Подтверждающий этот тезис фактический материал столь велик, что в рамках статьи можно привести только несколько примеров, относящихся непосредственно к питанию. По вполне понятным причинам у фуражеров северных и полярных территорий большую часть рациона составляют продукты охоты, а в южных и тропических регионах — продукты собирательства [40, с. 181]; баланс мясной (и рыбной) и растительной пищи широко варьирует, но сами рационы в любом случае соответствуют энергозатратам (если у бушменов это 2000 ккал, то у эскимосов — 5000 ккал) и, как правило, полностью покрывают их [16, с. 138; 21, с. 27; 47, с. 75]. По данным изотопных исследований, обитавшие в областях холодного климата неандертальцы были настолько плотоядны, что их питание полностью соответствовало питанию волка или гиены; некоторые группы современных эскимосов и индейцев Субарктики также не употребляют растительной пищи, у других ее доля в основном не превышает 10% [19, с. 412; 40, с. 210; 47, с. 96]. Питались последние, соответственно, рыбой (20–50% рациона) и мясом (20–70% рациона), и достаточно обильно: в 60–80-х гг. XX в. атапаски района Большого Невольничьего озера употребляли в среднем 180 кг мяса на человека в год; у индейцев и эскимосов Аляски потребление рыбы и мяса диких животных колебалось от 100 до 280 кг в год, а у коренного населения севера Канады — от 109 до 532 кг (тоже на душу населения) [47, с. 96, 128]. Впрочем, потребление мяса было довольно высоким и на юге: так, бушмены Калахари потребляли 85–96 кг мяса в год, а пигмеи мбути, чей рацион на 70% состоял из продуктов собирательства, — 800 г в день [2, с. 134; 16, с. 125].

Некоторое представление о том, какие природные ресурсы находились в распоряжении охотников и собирателей, дают этнографические материалы. По одному свидетельству, группа андаманцев в составе 132 человек в течение года добыла 500 оленей и свыше 200 штук мелкой дичи. Сибирские ханты в середине XIX века добывали в год до 20 лосей и оленей на одного охотника, не считая мелкой дичи. Тогда же аборигенное население Северной Оби (ханты и ненцы), чья численность, включая женщин и детей, равнялась 20–23 тыс. человек, добывали в год 114–183,3 тыс. шт. разного зверя, до 500 тыс. шт. птицы (14,6–24,3 тыс. пудов), 183–240,6 тыс. пудов рыбы, собирали до 15 тыс. пудов кедровых орехов. На Севере и в Сибири в XIX в. русские охотники с помощью ловчих сетей-перевесов ловили от 50 до 300 уток и гусей за ночь. В долине Усы (приток Печоры) заготавливали на зиму по 7–8 тыс. белых куропаток на семью или по 1–2 тыс. шт. на человека; один охотник добывал до 10 тыс. птиц, так что местные жители употребляли мясо куропаток вместо хлеба и даже подкармливали им крупный рогатый скот. В низовьях Оби, Лены, Колымы аборигенное население добывало линную дичь (водоплавающие птицы в период линьки утрачивают способность летать) по несколько тысяч штук на охотника в сезон; в начале 1820-х гг. охотник добывал до 1000 гусей, 5000 уток и 200 лебедей, а в 1883 г. один наблюдатель стал свидетелем того, как двое мужчин палками убили за полчаса 1500 линных гусей. На Аляске в удачные годы атапаски добывали на одного охотника до 30 бобров весом от 13 до 24 кг и до 200 ондатр весом от 1,4 до 2,3 кг (если мясо ондатры имеет калорийность 101 ккал, то мясо бобра — 408 ккал, превосходя в этом отношении хорошую говядину с ее 323 ккал). Весьма внушительными цифрами характеризуется также промысел морского зверя и рыбы. На севере Гренландии в 20-е гг. XX века один охотник добывал в среднем 200 тюленей в год. Калифорнийские индейцы добывали в течение одной ночи до 500 лососей на шесть человек (во время нереста); племена Северо-Западной Америки запасали на зиму по 1000 лососей на семью и по 2000 литров жира на человека; семья нивхов на зиму заготавливала до 3840 лососевых — по 400 рыб на человека и 2000 рыб на корм собакам [16, с. 275; 21, с. 27; 47, с. 67, 94; 53, с. 11, 36, 51, 62; 57, с. 307, 309].

Специализированные рыболовы и охотники использовали высокоэффективные промысловые технологии, позволявшие добывать максимальное количество дичи и рыбы за раз. У первых это были разнообразные запорные устройства и достигающие нескольких сотен метров в длину ставные сети, у вторых — также сети и стационарные заградительные устройства на путях сезонных миграций копытных. Последние использовались с неолитических (если не с верхнепалеолитических) времен в различных регионах мира: из камня или дерева возводились тянувшиеся на несколько километров (до 20 и более) сходящиеся стены или изгороди, куда заходили сами, заманивались или загонялись животные (газели, северные олени, лоси, косули и др.), которые затем попадали в петли, ямы и / или забивались копиями и стрелами [5, с. 87; 14, с. 100; 36, с. 68; 47, с. 76, 78; 53, 59; 57, с. 308]. Также известным с мезолита и чрезвычайно распространенным был способ «поколки», или «поколуги», когда стада мигрирующих оленей, сайгаков и других копытных, достигавшие 10 тыс. и более голов, переправлялись через реки и в это время их били с лодок

ножами, копьями, дубинками и т. п. [28, с. 198; 47, с. 18, 88; 53, с. 40, 42]. Эти и некоторые другие способы охоты, вероятно, можно назвать хищническими, но они типичны и традиционны. Если вспомнить огромные скопления костей на верхнепалеолитических памятниках (костные останки более 100 мамонтов в Павлове, свыше 800 мамонтов в Пржедмосте, 1000 зубров в Амвросиевке, 10 тыс. диких лошадей в Солютре и др.), то следует согласиться с мнением, что практиковавшие облавную и загонную охоту верхнепалеолитические кроманьонцы уничтожали больше животных (в том числе самок и молодняка), чем могли использовать в пищу или для хозяйственных нужд, так что хищническая эксплуатация природных ресурсов изначально была чертой поведения *Homo sapiens* [16, с. 248; 19, с. 411; 33, с. 352–353; 36, с. 68].

Впрочем, это относится главным образом к специализированным или высшим охотникам и собирателям, которые, равно как и специализированные рыболовы, находились в особо благоприятных экологических условиях и, оставаясь в рамках присваивающего хозяйства, вели практически оседлый образ жизни, знали имущественное и социальное неравенство и пребывали в порой далеко зашедших процессах классообразования и политогенеза [16, с. 274–275; 31, с. 65; 57, с. 312]. На гораздо более широких территориях в продолжение гораздо большего времени жили группы неспециализированных фуражеров, чей образ жизни характеризовался высокой мобильностью, соответствующей портативностью материальной культуры, социальным эгалитаризмом и фактическим отсутствием институтов власти и собственности. Эти до-, а с неолита — внеземледельческие коллективы в неменьшей степени представляли собой «общество первоначального изобилия», так как их потребление было как минимум не хуже, а трудозатраты — значительно ниже, чем у земледельцев (и, разумеется, у позднейших индустриальных рабочих).

Действительно, как это ни странно, «примитивные» охотничье-собирательские группы питались и больше и лучше, чем домашние земледельцы. Земледелие стимулировало демографический рост и увеличивало плотность населения (с 9500 г. до н. э. до 1500 г. н. э. население мира увеличилось в 90 раз — примерно с 5 млн до 450 млн чел. [31, с. 102]), причем в аграрном обществе с его мальтузианскими законами рост населения обгонял увеличение производства продовольствия, поэтому на долю крестьянина доставалось меньше, чем на долю фуражера. Рацион традиционного земледельца на две трети, а то и на три четверти, состоит из одного или нескольких продуктов растениеводства (пшеница, рис, кукуруза, картофель и т. п.), богатых углеводами, чем обеспечивается высокая калорийность, но снижается пищевая ценность ввиду выраженного дефицита белков (особенно животных), витаминов, микроэлементов и других необходимых организму веществ. Также развиваются специфически земледельческие болезни (в первую очередь кариес, также цинга, рахит), тогда как животноводство при сравнительно крупных размерах постоянных поселений и скученности проживания служит источником инфекционных зоонозов (бруцеллез, сальмонеллез, пситтакоз) и зооантропонозов — эпидемических болезней, изначально приобретенных людьми от домашнего скота и в дальнейшем эволюционировавших, таких как корь, оспа, туберкулез, тропическая малярия, грипп и др. Жившие небольшими, подвижными и часто сезонно дисперсными коллективами охотники и собиратели этих заболева-

ний не знали, были выше ростом и в целом отличались лучшим здоровьем по сравнению с сообществами, перешедшими к производящему хозяйству, в силу чрезвычайно разнообразного рациона, включавшего до сотни и более видов пищи растительного и животного происхождения [6, с. 88–100; 10, с. 135–138, 260–261; 18, с. 26–29; 23, с. 26–27, 83; 31, с. 114–115; 50, с. 65–66]. (Даже в неблагоприятных экологических условиях пустыни Калахари бушмены области Добе использовали в пищу 85 видов растений; бушмены кхонг — 57 видов корней, стеблей, листьев, фруктов, ягод, орехов, семян; бушмены гви — 70 видов растений, 30 видов животных, а также несколько видов пресмыкающихся и насекомых [16, с. 139, 151]).

Собственно, переход к производящему хозяйству не был исторически неизбежным, произойдя самостоятельно лишь несколько раз в нескольких регионах Земли под воздействием сложного сочетания экологических и социокультурных факторов. Ни практически оседлый образ жизни, ни приручение животных (собака, олень, верблюд), ни даже появление и развитие квазиземледельческих орудий и технологий у племен — сборщиков урожая не являлись гарантией такого перехода. Например, австралийские аборигены жили на территории, где произрастали пригодные для селекции эндемики (те же корнеклубнеплоды на соседней Новой Гвинее были введены в культуру), имели топоры и зернотерки, умели ухаживать за растениями и собирать урожай, владели широким ассортиментом обработки растений для приготовления пищи, включая обмолот и помол, и даже практиковали некоторые формы ирригации. Однако к земледелию они так и не перешли, по словам А.Ю. Артемовой, «из-за отсутствия потребности в нем» — их потребности полностью удовлетворялись охотой и собирательством [2, с. 86, 485; 16, с. 254–256, 263].

Сам процесс перехода отличался дискретностью и фрагментарностью. Некоторые археологически изученные группы еще в верхнем палеолите тысячелетиями занимались сбором урожая диких злаков, а потом вновь возвращались к охоте (Ком-Омбо, Египет); другие в неолите и энеолите тысячелетиями уже выращивали их, но основой хозяйства продолжала оставаться охота (Абу-Хурейра, Сирия; Триполье, Украина) [14, с. 100; 36, с. 48; 56, с. 237–238]. Для многих уже усвоивших (обычно перенявших) земледелие племен, таких как американские селиши, бразильские намбиквара, африканские ндембу, некоторые другие группы банту и т. д., оно оставалось лишь одним из сезонно-локальных компонентов комплексного (и нередко мобильного) хозяйства, другими неотъемлемыми частями которого оставались собирательство, рыболовство и охота (последняя к тому же практически всегда рассматривалась как престижное мужское занятие) [10, с. 132; 16, с. 263, 266; 44, с. 159–160]. Археологически и этнографически известны случаи, когда охотничье-собирательские группы переходили к земледелию, а затем возвращались к присваивающему хозяйству: так, население Южной Швеции около 3000 г. до н. э. перешло к земледелию, через три столетия перестало им заниматься, вернувшись к охоте и собирательству, и только четыре века спустя окончательно перешло к сельскому хозяйству; некоторые группы пигмеев под влиянием соседей банту уже на глазах исследователей также переходили к земледелию и вновь оставляли его ради традиционных занятий [10, с. 134; 16, с. 119]. В других случаях фуражеры упорно игнорировали земледельческое хозяйство соседей, с которыми поддерживали обменные отношения, но сами продолжали практиковать охоту и со-

бирательство. Примерами служат аборигены Северно-Восточной Австралии, тысячелетиями контактировавшие с земледельческим населением островов Торрессова пролива, и индейцы Калифорнии, находившиеся в контакте с земледельческим населением долины Колорадо; в Намибии кочевые скотоводы кой-коин вели обмен с земледельцами банту, но не переходили к земледелию сами, а в Танзании охотники хадза встречались с полукочевыми скотоводами масаями, однако наблюдатели утверждают, что не встречали «ни одного хадза, который владел бы козой, овцой, коровой или ослом» [2, с. 17; 10, с. 128].

Не принявшие данайских даров

Думается, что такая настороженность фуражеров по отношению к производящему хозяйству и в первую очередь к земледелию (тайландские мрабри разделяли поверье, что искусственное выращивание растений наказывается духами [16, с. 122]) связана главным образом с тем, что сельское хозяйство по сравнению с охотничье-собираТЕЛЬСКИМ требует гораздо больших трудозатрат. «Зачем нам выращивать растения, когда в мире так много орехов монгонго?», — говорили бушмены кьхонг, тогда как хадза отказывались от земледелия на том основании, что «это потребовало бы слишком много тяжелой работы» [16, с. 139; 39, с. 42]. И их можно не только понять, но и согласиться с ними: на добывание пищи хадза тратили в среднем не более двух часов в день, кьхонг — от 12 до 21 часа в неделю, тогда как трудозатраты земледельца равняются девяти часам в день, а рабочая неделя в современных развивающихся странах достигает 60 и даже 80 часов [12, с. 31, 45; 16, с. 170; 39, с. 42; 46, с. 93; 50, с. 64]. Примерно столько же времени тратили на охоту и собирательство и другие изученные антропологами группы «добытчиков»: бушмены гви — не более трех-четырёх часов в день, столько же — палийян (Южная Индия), австралийские аборигены и индейцы американского Юго-Запада — от двух-трех до четырех-пяти часов в день [2, с. 133; 16, с. 114, 257–258; 31, с. 75].

(Справедливости ради следует заметить, что девятичасовой, а порой и более продолжительный рабочий день характерен для традиционного интенсивного земледелия, когда крестьянин не использует машин и химических удобрений, но трудится на постоянном удобряемом поле. Так, например, трудились этнографически исследованные китайские и русские крестьяне 1920–1930-х гг. У последних полный полевой цикл в зависимости от природно-климатических условий региона составлял около 40–70 человеко-дней на десятину, что при среднем душевом наделе в четыре десятины и 10-часовом рабочем дне составляло 1600–2800 часов. Правда, в течение примерно полугодичного периода полевые работы не велись, но уход за скотом и прочие виды труда и в это время равнялись двум часам в день, так что на год приходилось 1960–3220 часов, тогда как у фуражеров с их двух-четырёхчасовым рабочим днем — 730–1460 часов. По расчетам С.Г. Струмилина, обязательный труд крестьянина равнялся 2996,8 часов в год, крестьянки — 4441,0, в среднем 3909,9 часов; у фабричных рабочих — 3612 часов в год у мужчин и 4622 часа у женщин. В то же время экстенсивное, то есть залежное-переложное и подсечно-огневое земледелие требует двух-трех-четырёх часов труда в день, что значительно ближе к трудозатратам охотников и собирателей. Экстенсивные земледельцы в этом плане ближе к фуражерам, чем к исторически аутентичным «крестьянам»; они не только меньше трудятся, но и сама их трудовая деятельность в течение дня, недели,

месяца, года характеризуется прерывистостью и нерегулярностью. Замбийские бемба, бразильские кукуру, новогвинейские капауку, полинезийские тикопиа, фиджийцы, маори, банту и множество других примитивных земледельцев перемежали рабочие часы и дни с отдыхом, сном, танцами, ритуалами, посещениями соседей и т. п. досуговым времяпрепровождением. Можно сказать, что они практиковали земледелие (как правило, полевые / огородные работы в их комплексном хозяйстве сочетались с различными присваивающими промыслами), но вот крестьянами в общепотребительном смысле слова являлись далеко не полностью; впрочем, этот вопрос выходит за предметные рамки данной статьи и требует отдельного исследования [21, с. 140–145, 179; 30, с. 204, 206; 34, с. 33; 39, с. 67–75; 42]).

«Чтобы снабдить семью белковой пищей на сутки, обычно хватает четырех-шести часов труда, — пишет Д. Эверетт о южноамериканских индейцах пираха. — Но если в семье есть взрослые сыновья, то мужчины будут ходить на рыбалку по очереди... Собираательство, в основном женская работа, занимает примерно двенадцать часов в неделю на семью из четырех человек, а обычно в семьях индейцев именно четверо. В сумме, таким образом, рыбная ловля и собираательство отнимают около пятидесяти двух часов в неделю совокупно у отца, матери и детей (а иногда еще и дедушки с бабушкой), так что на одного человека приходится не более пятнадцати-двадцати часов в неделю “за работой”...» [55, с. 92]. В свою очередь, М. Салинз констатирует: «...охотник держится на уровне рабочего времени банковского служащего, значительно меньшего, чем рабочее время промышленных рабочих (входящих в профсоюзы), которых безусловно устроили бы эти 21–35 часов в неделю» [39, с. 48]. (К. Леви-Стросс также отмечает: «...как показали тщательные исследования, проведенные в Австралии, Южной Америке, Меланезии и Африке, трудоспособным членам этих обществ вполне достаточно работать два-четыре часа в день, чтобы содержать семью, в том числе детей и стариков, еще или уже не участвующих в добыче пропитания. Сравните с тем, сколько времени проводят на заводе или в конторе наши современники!» [23, с. 52]). Правда, следует указать, что это только время, затрачиваемое на добывание пищи, тогда как с учетом времени на изготовление орудий и прочую трудовую деятельность продолжительность рабочей недели у тех же бушменов достигает 40–45 часов, то есть столько же, сколько в современных развитых странах. Однако труд организован у них иначе: мужчины уделяют охоте около 2,7 дней, а женщины собираательству — около 2,1 дня в неделю (сбор дров, хождение за водой и приготовление пищи занимают еще один-три часа в день); остальные дни остаются свободными, как и те часы, что не заняты трудом в «рабочие» дни [16, с. 140].

«Вполне вероятно, — замечает Ю.Н. Харари, — что древние люди, жившие в более плодородных регионах, чем пустыня Калахари, тратили на поиски пищи и сырья еще меньше времени. К тому же и домашними делами они не были обременены: ни грязной посуды, ни пыльных ковров, ни полов, которые требуется натирать, ни мокрых пеленок, ни оплаты счетов. Тогдашняя экономика позволяла большинству людей жить гораздо более интересной и насыщенной жизнью, нежели живут теперь члены аграрного или индустриального общества». Вместо того, чтобы изо дня в день трудиться на фабрике, а вернувшись домой мыть посуду и стирать белье, «30 тысяч лет назад кочевница в том же Китае выходила из лагеря вместе со своими товарами, скажем, в восемь

утра. Они бродили по ближайшим лесам и полям, собирали грибы, выкапывали съедобные корни, ловили лягушек, удирали от тигров. К середине дня они возвращались в лагерь и готовили обед. У них оставалось сколько угодно досуга на сплетни, неспешные рассказы, игру с детьми, отдых и сон» [50, с. 65].

Возможно, данная картина смотрится несколько идиллически, но кажется вполне правдоподобным, что до того, как «наши предки изобрели себе на погибель сельское хозяйство» [25], жизнь их была куда менее загружена работой, так что прогрессивность перехода к производящему хозяйству выглядит не столь однозначно, как ее привыкли видеть. Конечно, трудно согласиться с Л. Тайгером, что переход к земледелию и скотоводству был началом «всемирного грехопадения» и «производства мирового зла» [2, с. 484], но еще труднее не согласиться с М. Салинзом, что «с внедрением земледелия людям пришлось работать тяжелее» [36, с. 49]. (К тому же в течение всего доиндустриального периода чем более интенсивным оно становилось, тем более трудозатратным и менее производительным оказывалось [12, с. 40]). Все больше труда, все меньше досуга — так выглядел культурный прогресс на протяжении последних десяти тысячелетий для всех, кто принял данайские дары неолитической революции; но, как мы знаем, приняли их не все.

В саду Эдема

Что же делали эти люди в «свободное от работы время»? А ничего они не делали — если «делом» считать только труд. Как был описан в исследовании австралийских аборигенов Арнемленда один из последних, «по-видимому, основной его специальностью было безделье»: «...большую часть времени он тратил на разговоры, еду и сон», и при этом отнюдь не являлся исключением в данной группе, где «мужчины проводили большую часть времени, проводя его в буквальном смысле: оно уходило на отдых и сон». В других наблюдавшихся группах ситуация не отличалась от описанной: «...мужчины, если они оставались на стоянке, спали после завтрака в течение одного-полутора часов, иногда даже дольше. Также, возвратившись с охоты или рыбной ловли, они обычно ложились поспать либо сразу по приходе, либо пока дичь готовилась. На стоянке Хемпл Бэй мужчины спали, когда они возвращались рано, и не спали, если они приходили после 4.00 пополудни. Если они оставались на стоянке в течение всего дня, они спали, когда придется, и всегда после завтрака. Женщины, занимаясь собирательством в лесу, отдыхали, казалось, чаще, чем мужчины. Оставаясь на стоянке весь день, они тоже спали в свободные часы, иногда подолгу» [39, с. 34–35].

«Часто я видел, как мужчины целыми днями ничего не делали, а только сидели вокруг тлеющего костра, болтали, смеялись, выпускали газы и таскали из огня печеный сладкий картофель», — пишет Д. Эверетт. Индейцы пираха, среди которых он жил, порой не ходили на охоту или рыбалку даже тогда, когда не имели пищи и были голодны, занимаясь вместо этого танцами, играми или просто лежанием и разговорами, мотивируя это тем, что они так закаляются и вообще у них принято есть мало. Такой образ жизни пираха порицался их соседями кабокло, которые говорили автору: «Даниэл, мы те же индейцы, но мы научились трудиться. Мы неленивые» [55, с. 77, 85, 91].

Данная автохарактеристика весьма примечательна: даже не для аутентичных представителей протестантской трудовой этики, а для португало-ин-

дейских метисов-католиков «ничего неделание» является предосудительным, а приверженность труду служит этноразличительным признаком. Еще больше бывали раздражены европейские (европейского происхождения) фермеры, нанимавшие чилийских индейцев яганов, так как эти типичные фуражеры «при нерегулярных усилиях... могут развивать значительную энергию в течение некоторого времени. Потом, однако, они выказывают стремление к неограниченно долгому отдыху, во время которого лежат, ничего не делая и не проявляя признаков большой усталости» [39, с. 42]. Европейские исследователи XIX в., наблюдавшие добытчиков саго на Борнео, Сулавеси и в Новой Гвинее, пришли к выводу, что одна саговая пальма в результате труда двух мужчин и двух женщин на протяжении пяти дней может дать количество продовольствия, достаточного для одного человека в течение года, и комментировали это так: «Понятно, что такой легкий способ прокормления наложил свой отпечаток на жителей района саговой пальмы: они ленивы и неподвижны» [21, с. 31]. Подобным образом оценивались не только «туземцы»: испанские колонисты отзывались о жителях горно-лесистых районов Центральной и Южной Америки, что они «никогда не выйдут из обычного для них состояния апатии, если не уничтожить их плантаций бананов», а французские экономисты добивались вырубки каштанов на Корсике, так как «культура каштанов не развивается в человеке ни трудолюбия, ни инициативы» [21, с. 32]. Наряду с этим лежащее у истоков индустриальной цивилизации требование интенсивного труда, воспринимаемого как религиозно-морально-экономический императив, отвергается даже втянутыми во взаимодействие с ней группами, сохраняющими фуражерскую ментальность и ценности: для них важнее меньше работать, чем больше зарабатывать, и даже «внедрение новых орудий или культур, увеличивающих производительность туземного труда, может повести лишь к сокращению периода обязательной работы — преимущества будут служить скорее для увеличения времени отдыха, нежели для увеличения производимого продукта» [39, с. 91]. (Когда горцы Новой Гвинеи получили доступ к железным топорам вместо каменных, производство продовольствия у них возросло только на 4%, зато время этого производства сократилось в четыре раза, в результате чего существенно увеличилась церемониальная и политическая активность [20, с. 179]).

Таким образом, для общества добытчиков, в противоположность обществу производителей, досуг является целью и ценностью, а труд — средством и необходимостью; досуг — это не отдых от (и для) работы, это форма собственно социальной жизни, содержание которой — взаимные визиты, игры, танцы, празднества, разнообразные ритуалы и всевозможные формы общения. Социальное взаимодействие в пространстве горизонтальной реципрокности и вертикальной иерархичности для человека естественно, так как он есть существо общественное. Если труд и отличает его от животных, то социальность сближает с ними — по крайней мере, с нашими ближайшими сиблингами и ансесторами, то есть видовыми братьями и предками в семействе гоминидов. «Мы — приматы, а значит, можем многое узнать о своих корнях, изучая своих родственников», — пишет М. Ридли [37, с. 334]. И действительно, в литературе встречаются мнения, что австралопитеки, подобно их потомкам из рода Номо, располагали значительным досугом, способствовавшим общению и развитию отношений между членами группы,

тогда как ближайший родственник человека шимпанзе своим социальным поведением настолько мало отличался от первых людей, что с определенным основанием его поведение можно экстраполировать на первобытное человеческое [15, с. 29, 65; 27, с. 65]. В этом плане любопытно, что Ф. Де Валь, изучая поведение шимпанзе, отмечал взаимосвязь между увеличением досугового времени и активизацией социального поведения: «Чтобы добыть достаточно еды, диким обезьянам приходится тратить на ее поиски более половины своего времени. Поскольку в зоопарке им не нужно это делать, они неизбежно начинают немного скучать. В результате их социальная жизнь интенсифицируется. У них больше времени на “социализацию”» [11, с. 32].

Вместо заключения:

Завтра и позавчера

Наверное, аналогия между шимпанзе и человеком информационного общества покажется забавной, но какая-то структурная симметрия здесь, кажется, есть. Еще более очевидной она представляется в сравнении общества преаграрного и общества постиндустриального в том отношении, что для обоих характерна минимизация труда и максимизация досуга. Чем меньше трудовой деятельности, тем больше социального действия — здесь послесовременность уподобляется досовременности, так что завтрашнее будущее все отчетливее начинает напоминать позавчерашнее прошлое. В становящемся «аттенциональном» обществе людьми движет не приобретаемая в процессе производства выгода, а привлекаемое в процессе общения внимание [3, с. 200]; уже сегодня коммуникативные компетенции выступают одним из главных критериев при найме работников [52, с. 54], при этом «меняется характер рабочих мест, превращающихся из формального офиса в клуб, где неофициальная беседа — основной вид взаимодействия» [45, с. 6]. Профессиональная самоидентификация перестает быть базовой для постэкономического человека, который больше не строит свои жизненные планы вокруг работы [4, с. 150; 17, с. 258], отходящей на второй план по отношению к собственно социальной деятельности. Согласно Дж. Рифкину, «...к середине нынешнего столетия многие виды коммерческой деятельности перейдут под контроль интеллектуальных технологических систем, это высвободит значительную часть людей для создания социального капитала в некоммерческом гражданском обществе, которое станет доминирующим сектором во второй половине века. Хотя коммерческая деятельность сохранит принципиальную значимость для жизни людей, она перестанет определять их устремления» [38, с. 17].

Трудно сказать, насколько реальными могут оказаться такого рода прогнозы — социологическая футурология в этом плане изрядно напоминает кладбище пророчеств, но упомянутые тренды социально-экономического развития на данный момент действительно присутствуют, и игнорировать их было бы неправильным. Представляется, что если нечто подобное действительно произойдет, то не стоит драматизировать ситуацию: «беспольный класс» без особого — и любого — труда найдет себе занятия, удовлетворяющие естественные склонности человека в социальном взаимодействии, как находили их сотни поколений охотников и собирателей на большом протяжении истории *Homo sapiens* (да и до него, как мы видели, тоже). Я бы

не стал называть такой вариант будущего ни прогрессом, ни деградацией; пока что обсуждаемый феномен нуждается не столько в оценке, сколько в анализе, и чем больше будет высказано аргументов и задействовано исследовательских программ, тем лучше мы сможем его понять.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов Р.И.* Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52.
2. *Артемова О.Ю.* Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. — 560 с.
3. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. со шведского. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. — 252 с.
4. *Бауман З.* Текучая современность / [Пер. с англ.]. СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
5. *Боси Р.* Лапландцы. Охотники за северными оленями / Пер. с англ. С.П. Евтушенко. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 175 с.
6. *Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. — 320 с.
7. *Гидденс Э.* Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 240 с.
8. *Давыдов Д.А.* Смена общественно-экономической формации? // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 19–30.
9. *Давыдов Д.А.* Технологии отчуждения и призрак коммунизма // Человек. 2017. № 5. С. 75–85.
10. *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ / Пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ, 2009. — 604 с.
11. *Де Валь Ф.* Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 272 с.
12. *Джонсон А.В., Эрл. Т.* Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 5. С. 30–76.
13. *Жвитаишвили А.Ш.* Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 34–41.
14. *Заря человечества* / Пер. с англ. В. Федяниной. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — 176 с.
15. *Иди М.* Недостающее звено. Возникновение человека / Пер. с англ. И. Гуровой; Ред. и предисл. Ю.Г. Рычкова. М.: Мир, 1977. — 160 с.
16. *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. — 304 с.
17. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2000. — 608 с.
18. *Козинцев А.Г.* Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980. С. 6–33.
19. *Козловская М.В.* Система питания верхнепалеолитических обществ: биологическая и социальная адаптация // HOMO SUNGIRENSIS. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. М.: Научный мир. 2000. — 468 с.
20. *Коротаев А.В.* Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловыe проблемы социологии

- развития / Ред. А.В. Коротаев, В.В. Чубаров. М.: Институт истории СССР АН СССР. 1991. Т. 1. С. 136–191.
21. *Крживицкий Л.* Хозяйственный и общественный строй первобытных народов. М.-Л.: ГИЗ, 1925. — 228 с.
 22. *Кутырев В.А.* Отдадим труд машинам... Что будет с человеком? // Человек. 2017. № 5. С. 68–74.
 23. *Леви-Стросс К.* Узнавать других. Антропология и проблемы современности / Пер. с франц. Е. Чебучевой. М.: Текст, 2016. — 158 с.
 24. *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. — 464 с.
 25. *Мартьянов К.К.* Конец работы [электронный ресурс]. Дата обращения 30.08.2018. URL: <<http://kmartynov.livejournal.com/1934213.html>>.
 26. *Мартьянов В.С.* Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 141–153.
 27. *Матюшин Г.Н.* У истоков человечества. М.: Мысль, 1982. — 144 с.
 28. Мезолит СССР / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1989. — 353 с.
 29. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / Пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 416 с.
 30. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. — 573 с.
 31. *Моррис И.* Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Под ред. и с введением С. Мэсидо; Коммент. Р. Сифорда, Дж.Д. Спенса, К.М. Корсгаард, М. Этвуд; Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 488 с.
 32. *Никифорова О.А., Таранова О.А., Карапетян Р.В.* Международная научная конференция «Труд и общество в реалиях XXI века» // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 145–149.
 33. Палеолит СССР / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1984. — 384 с.
 34. *Петров В.П.* Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка, 1968. — 228 с.
 35. *Понукалина О.В.* Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 210–218.
 36. *Придо Т.* Кроманьонский человек / Пер. с англ. И. Гуровой; Ред. и предисл. Ю.Г. Рычкова. М.: Мир, 1979. — 158 с.
 37. *Ридли М.* Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2013. — 336 с.
 38. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 410 с.
 39. *Салинз М.* Экономика каменного века / Науч. ред. и примеч. О.Ю. Артемовой; Предисл. А.В. Коротаева. М.: ОГИ, 1999. — 296 с.
 40. *Семенов Ю.И.* На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. — 318 с.
 41. *Сидорина Т.Ю.* Цивилизация труда: заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя, 2014. — 400 с.
 42. *Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского крестьянина [электронный ресурс]. Дата обращения 30.08.2018. URL: <<http://istmat.info/node/27934>>.
 43. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
 44. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / Пер. с англ.; Сост. и автор. предисл. В.А. Бейлис. М.: Наука, 1983. — 277 с.

45. Урри Д. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.
46. Уэйд Н. На заре человечества: Неизвестная история наших предков / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 408 с.
47. Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). М.: Наука, 1991. — 184 с.
48. Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / [Пер. с англ. С. Чернина.]. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 430 с.
49. Харари Ю.Н. «Большинство людей вообще не осознают, что происходит и что на кону» [электронный ресурс]. Дата обращения 30.08.2018. URL: <<https://republic.ru/posts/89144>>.
50. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Пер. с англ. М.: Синдбад, 2016. — 520 с.
51. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. — 560 с.
52. Шваб К. Четвертая промышленная революция / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. — 208 с.
53. Шипилов А.В. Традиционная производственная культура России: сельское хозяйство и присваивающие промыслы. Воронеж: ВГПУ, 2006. — 311 с.
54. Шульман Е.М. Современная молодежь — самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить [электронный ресурс]. Дата обращения 30.08.2018. URL: <<http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/>>.
55. Эверетт Д.Л. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Пер. с англ. П.С. Дронова, И.В. Мокина, Е.Н. Панова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 384 с.
56. Энеолит СССР / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1982. — 359 с.
57. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1987. — 471 с.
58. Harari Y.N. The meaning of life in a world without work. Accessed 30.08.2018. URL: <<https://www.theguardian.com/technology/2017/may/08/virtual-reality-religion-robots-sapiens-book>>.

Дата поступления: 03.09.2018.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 2. P. 153–170. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6391

A. V. SHIPILOV

Humanities Faculty, Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russian Federation.

Andrey V. Shipilov — Doctor of Culturology, Associate professor, Department of Philosophy, Economics, Social and Humanitarian Disciplines, Humanities Faculty, Voronezh State Pedagogical University. **Address:** 86, Lenin str., 394043, Voronezh, Russian Federation. **Phone:** +7 (4732) 255-26-19. **Email:** andshipilo@yandex.ru

LIFE WITHOUT LABOR? IT'S NATURAL

Abstract. As a result of the development of automation and robotization in the economy of developed countries, the need for labor is reduced, which entails a decline in employment. Given

the preservation of existing trends, the labor society is transformed into a rent society, with leisure being the main occupation of the majority of its members. In this regard, concerns are voiced about the loss of habitual meaning of life and, as a consequence, the degradation of the individual and society. The author puts forward a thesis that social activity is more natural (that is, biologically conditioned) for a human being than labor. In support of this fact factual evidence is given, which indicates that for most of their history people have practiced an appropriating economy, which allowed for achieving maximum production with minimal labor. Thus, members of pre-agricultural and extra-agricultural communities could devote most of their time to rest, communication and a variety of group rituals. It is possible that in the emerging post-labor society there will be a similar situation, and the close future might turn out to be similar to the distant past.

Keywords: automation; introduction of robots; labor; leisure; appropriating economy; producing economy; social interaction.

For citation: Shipilov A.V. Life without Labor? It's Natural. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 2. P. 153–170. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6391

REFERENCES

1. Anisimov R.I. Work in an era of uncertainty. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 11. P. 44–52. (In Russ.)
2. Artemova O.Yu. *Koleno Isava: Okhotniki, sobirateli, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)*. [The generation of Esau: Hunters, gatherers, fishermen (experience of studying alternative social systems).] Moscow: Smysl publ., 2009. 560 p. (In Russ.)
3. Bard A., Zoderkvist Ja. Netocracy: The New Power Elite and Life after Capitalism. [Russ. ed.: *Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma*. Transl. from Swedish. St Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004. 252 p.]
4. Bauman Z. Liquid Modernity. [Russ. ed.: *Tekuchaya sovremennost'*. Transl. from Eng. St Petersburg: Piter publ., 2008. 240 p.]
5. Bosi R. The Lapps. [Russ. ed.: *Laplantsy. Okhotniki za severnymi olenyami*. Transl. from Eng. by S.P. Evtushenko. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf publ., 2004. 175 p.]
6. Buzhilova A.P. *Homo sapiens: Istoriya bolezni*. [Homo sapiens: A case report.] Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 2005. 320 p. (In Russ.)
7. Giddens A. Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe? [Russ. ed.: *Nespokoyniy i mogushchestvennyi kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* Transl. from Eng. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS publ., 2015. 240 p.]
8. Davydov D.A. Change of socio-economic formation? *Svobodnaya mysl'*. 2016. No. 4. P. 19–30. (In Russ.)
9. Davydov D.A. Technology alienation and the specter of communism. *Chelovek*. 2017. No. 5. P. 75–85. (In Russ.)
10. Diamond J. Gans, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. [Russ. ed.: *Ruzh'ya, mikroby i stal': Istoriya chelovecheskikh soobshchestv*. Transl. from Eng by M. Kolopotin. Moscow: AST publ., 2009. 604 p.]
11. De Vaal F. Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes. [Russ. ed.: *Politika u shimpanze: Vlast' i seks u primatov*. Transl. from Eng by D. Kralechkin. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2014. 272 p.]
12. Johnson A.W., Earle T. The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2016. Vol. 17. No. 5. P. 30–76. (In Russ.)
13. Zhvitiashvili A.Sh. Working class in a post-industrial society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. No. 2. P. 34–41. (In Russ.)
14. *Zarya chelovechestva*. [Dawn of Mankind]. Transl. from Eng by V. Fedyanin. Moscow: TERRA — Knizhnyi klub publ., 1998. 176 p. (In Russ.)
15. Edey M. The Missing Link [Russ. ed.: *Nedostayushchee zveno. Vozniknovenie cheloveka*. Transl. from Eng by I. Gurova; Ed. by Yu.G. Rychkov. Moscow: Mir publ., 1977. 160 p.] (In Russ.)
16. Kabo V.R. *Pervobytnaya dozemled'cheskaya obshchina*. [Primitive pre-farming community]. Moscow: Nauka publ., 1986. 304 p. (In Russ.)

17. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. [The Information Age: Economy, Society and Culture.] Transl. from Eng.; Ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2000. 608 p. (In Russ.)
18. Kozintsev A.G. The transition to agriculture and human ecology. *Rannie zemledel'tsy*. [Early farmers.] Leningrad: Nauka publ., 1980. P. 6–33. (In Russ.)
19. Kozlovskaya M.V. The feeding system of the Upper Paleolithic Societies: biological and social adaptation. *HOMO SUNGIRENSIS. Verkhnepaleoliticheskii chelovek: ekologicheskie i evolyutsionnye aspekty issledovaniya*. [HOMO SUNGIRENSIS. Upper Paleolithic man: ecological and evolutionary aspects of the study.] Ed. by T.I. Alekseeva, N.O. Bader. Moscow: Nauchnyi mir publ., 2000. 468 p. (In Russ.)
20. Korotaev A.V. Some economic prerequisites for class formation and political genesis. *Arkhaicheskoe obshchestvo: uzlovye problemy sotsiologii razvitiya*. [Archaic society: key problems of the sociology of development.] Ed. by A.V. Korotaev, V.V. Chubarov. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR publ., 1991. Vol. 1. P. 136–191. (In Russ.)
21. Krzhivitskii L. *Khozyaistvennyi i obshchestvennyi stroi pervobytnykh narodov*. [The economic and social system of primitive peoples]. Moscow-Leningrad: GIZ publ., 1925. 228 p. (In Russ.)
22. Kutyrev V.A. We'll give the labor to the machines ... What will happen to the man? *Chelovek*. 2017. No. 5. P. 68–74. (In Russ.)
23. Levi-Strauss C. L'anthropologie face aux problèmes du monde modern = Recognize others. Anthropology and problems of modernity. [Russ. ed.: *Uznavat' drugikh. Antropologiya i problemy sovremennosti*. Transl. from French by E. Chebucheva. Moscow: Tekst publ., 2016. 158 p.]
24. McLuhan H.M. Understanding Media: The Extensions of Man. [Russ. ed.: *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Transl. from Eng. by V.G. Nikolaev. Moscow: Giperboreya publ., Kuchkovo pole publ., 2007. 464 p.]
25. Martynov K.K. End of work. Accessed 30.08.2018. URL: <<http://kmartynov.livejournal.com/1934213.html>>. (In Russ.)
26. Mart'yanov V.S. Our rental future: the global outlines of society without labor? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 5. P. 141–153. (In Russ.)
27. Matyushin G.N. *U istokov chelovechestva*. [At the origins of mankind]. Moscow: Mysl' publ., 1982. 144 p. (In Russ.)
28. Mezolit SSSR. [Mesolith USSR]. Ed. by B.A. Rybakov. Moscow: Nauka publ., 1989. 353 p. (In Russ.)
29. Mason P. Post Capitalism. A Guide to Our Future. [Russ. ed.: *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu*. Transl. from Eng. by A. Dunaev. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2016. 416 p.]
30. Milov L.V. *Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa*. [Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN publ., 1998. 573 p. (In Russ.)
31. Morris I. Foragers, Farmers, and Fossil Fuels. How Human Values Evolve [Russ. ed.: *Sobirateli, zemledel'tsy i iskopaemoe toplivo. Kak izmenyayutsya chelovecheskie tsennosti*. Ed. And pref. by S. Mesido; Comment. by R. Siford, Dzh.D. Spens, K.M. Korsgaard, M. Etvud; Transl. from Eng. by N. Edel'man. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara publ., 2017. 488 p.]
32. Nikiforova O.A., Taranova O.A., Karapetyan R.V. International scientific conference “Labor and society in the realities of the XXI century”. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 9. P. 145–149. (In Russ.)
33. *Paleolit SSSR*. [Paleolith USSR]. Ed. by B.A. Rybakov. Moscow: Nauka publ., 1984. 384 p. (In Russ.)
34. Petrov V.P. *Podsechnoe zemledelie*. [Sut down agriculture]. Kiev: Naukova dumka publ., 1968. 228 p. (In Russ.)
35. Ponukalina O.V. Work and leisure in the discourse of consumer practices. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2011 No. 14 (5). P. 210–218. (In Russ.)
36. Prideaux T. Cro-Magnon Man. [Russ. ed.: *Kroman'onkskii chelovek*. Transl. from Eng. by I. Gurova; Ed. and Pref. by Yu.G. Rychkov. Moscow: Mir publ., 1979. 158 p.]
37. Ridley M. The Origins of Virtue: Human Instincts and the Evolution of Cooperation. [Russ. ed.: *Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu*. Transl. from Eng. Moscow: Eksmo publ., 2013. 336 p.]

38. Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World [Russ. ed.: *Tret'ya promyshlennaya revolyutsiya: Kak gorizontallye vzaimodeystviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v tselom*. Transl. from Eng. Moscow: Al'pina non-fikshn publ., 2014. 410 p.]
39. Sahlins M. Stone Age Economics [Russ. ed.: *Ekonomika kamennogo veka*. Ed. by O.Yu. Artemova; Pref. by A.V. Korotaev. Moscow: OGI publ., 1999. 296 p.]
40. Semenov Yu.I. *Na zare chelovecheskoj istorii*. [At the dawn of human history]. Moscow: Mysl' publ., 1989. 318 p. (In Russ.)
41. Sidorina T.Yu. *Tsivilizatsiya truda: zametki sotsial'nogo teoretika*. [Civilization of labor: Notes of the social theorist]. St Petersburg: Aleteiya publ., 2014. 400 p. (In Russ.)
42. Strumilin S.G. *Byudzhel vremeni russkogo krest'yanina*. [The time budget of the Russian peasant.] Accessed 30.08.2018. URL: <<http://istmat.info/node/27934>>. (In Russ.)
43. Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. [Russ. ed.: *Prekariat: novyi opasnyi klass*. Transl. from Eng. by N. Usova. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2014. 328 p.]
44. Terner V. *Simvol i ritual*. [Symbol and ritual]. Transl. from Eng.; Select. And Pref. by V.A. Beilis. Moscow: Nauka publ., 1983. 277 p. (In Russ.)
45. Urry J. Mobility and Proximity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. No. 2. P. 3–14. (In Russ.)
46. Wade N. Before the Dawn: Recovering the lost history of our ancestors. [Russ. ed.: *Na zare chelovechestva: Neizvestnaya istoriya nashikh predkov*. Transl. from Eng. Moscow: Al'pina non-fikshn publ., 2016. 408 p.]
47. Fainberg L.A. *Okhotniki Amerikanskogo Severa (indeitsy i eskimosy)*. [Hunters of the American North (Indians and Eskimos)]. Moscow: Nauka publ., 1991. 184 p. (In Russ.)
48. Ford M. Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future. [Russ. ed.: *Roboty nastupayut: Razvitiye tekhnologii i budushchee bez raboty*. Transl. from Eng. by S. Chernin. Moscow: Al'pina non-fikshn publ., 2016. 430 p.]
49. Kharari Yu.N. *"Bol'shinstvo lyudei voobshche ne osoznayut, chto proiskhodit i chto na konu"*. ["Most people generally do not realize what is happening and what's at stake".] Accessed 30.08.2018. URL: <<https://republic.ru/posts/89144>>. (In Russ.)
50. Harari Y.N. *Sapiens: A Brief History of Humankind* [Russ. ed.: *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Transl. from Eng. Moscow: Sindbad publ., 2016. 520 p.]
51. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2-kh t. Vol. 2*. [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. In two vols. Vol. 2.]. Moscow: Russkii yazyk publ., 1999. 560 p. (In Russ.)
52. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution [Russ. ed.: *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Transl. from Eng. Moscow: Eksmo publ., 2016. 208 p.]
53. Shipilov A.V. *Traditsionnaya proizvodstvennaya kul'tura Rossii: sel'skoe khozyaistvo i prisvaivayushchie promysly*. [Traditional Russian Production Culture: Agriculture and Appropriating Affairs]. Voronezh: VGPU publ., 2006. 311 p. (In Russ.)
54. Shul'man E.M. *Sovremennaya molodezh' — samoe pravil'noe iz vsekh pokolenii, kakie tol'ko mozhno sebe predstavit'*. [Modern youth is the most correct of all the generations that one can imagine.] Accessed 30.08.2018. URL: <<http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/>>. (In Russ.)
55. Everett D.L. Don't Sleep, There Are Snakes. Life and Language in The Amazonian Jungle. [Russ. ed.: *Ne spi — krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei*. Transl. from Eng. by P.S. Dronov, I.V. Mokin, E.N. Panov. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK publ., 2016. 384 p.]
56. *Eneolit SSSR*. [Eneolith USSR.] Ed. by B.A. Rybakov. Moscow: Nauka publ., 1982. 359 p. (In Russ.)
57. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR*. [The Bronze Age of the Forest Band of the USSR]. Ed. by B.A. Rybakov. Moscow: Nauka publ., 1987. 471 p. (In Russ.)
58. Harari Y.N. *The meaning of life in a world without work*. Accessed 30.08.2018. URL: <<https://www.theguardian.com/technology/2017/may/08/virtual-reality-religion-robots-sapiens-book>>.